

егемен

Қазықаспан

Правофланговый целины

Прославленный представитель старой гвардии хлеборобов не уходит в запас, продолжая исправно давать стране продукт № 1.

В богатырских габаритах еще угадывается былая статья. Густые брови время вовсе не тронуло – черны как смоль. А смеющиеся глаза искрятся молодым задором. Эх, раззудись, плечо! Кажется, еще вполне может тряхнуть стариной хоть на поле, хоть в застолье.

А в морщинах капитально («капитально» – его любимое слово) залегла думка. Пыхает сигаретой и сквозь сухой кашель курильщика «прямым комбайнированием» трескучим, но бодрым голосом пожинает урожай славы своей незатейливой, но «звездной» судьбы.

17 ноября живой легенде сровняется 77. «Семерка» по всему знаменательная цифра (и «древко» в ней присутствует, и контур полотнища угадывается). Особенно для него. В армии как самый рослый всегда шагал под стягом, в страду неизменно был правофланговым, а теперь сам, безо всяких преувеличений, является знаменем целины, продолжая исправно давать стране хлеб. Важное уточнение: с самого начала стартовавшей в 1954 году эпопеи доньне.

Люди постарше, думаю, с легкостью догадались, что речь веду о Владимире Дитюке, молодых же корить не за что: пресса, раньше весьма охочая до Героя-балагура, напрочь забыла о своем любимце.

Вот, получается, одним о нем напомним, других с ним познакомлю.

Предначертанный шлях.

Ах да, неправ, я Владимиру Аврамовичу только казахстанский хлеборобский стаж «зачел». Между тем, он с 50-го по 54-й год работал трактористом Сорочинской МТС в Полтавской области. Итого получается, земледелию отдано 62 года! Уточняю у него: так ли?

– Всю жизнь был на виду, в чистом поле, – подтверждает боевой ветеран. – Тут ни убавить, ни прибавить. Даже три года армии – «в тему». Пусть не фуражиром служил, а связистом в ВВС, так я там маститым лектором по кукурузе заделался. Не на шутку разошелся – хотели меня, деревенщину, в городе Ташкенте оставить преподавателем сержантской школы.

Отмахнув табачное кольцо, точно дымку времени, хитро щурится:

– Не-е, удлиняй, пресса, срок! 62 года – то на технике, за рычагами и штурвалом, а мне еще на тягловой силе вкалывать приходилось. Когда немца вышибли из наших мест, председатель и говорит: «Володька, хватит воду носить. Запрягай бычків и борони!» Приврать, конечно, умею, да не для этого случая. Мне в ту пору девять лет от роду было. Думаете, сдулся? Как бы не так! Боронил, пахал. Видать, справлялся: в тринадцать пошел «на повышение» – молотобойцем назначили.

Испытание «жаровней» выпало хлопчику – не приведи Господь:

– Электричества тогда не было, дуть в меха приходилось. Как нагреется заготовка, не отдышавшись, в испарине, берусь за кувалду. А двое дядек кузнецов сидят себе в сторонке, курят. Заглянул как-то председатель, увидел,

как я дошел, пожалел: «Мабуть, я тебя поставлю телят поить, а то ведь дух испустишь в кузне». Приставили к телятам – полегче стало. Там молоко, обрат. И главное – женщины, они сердобольней. На ферме отпоили, бока чуток нарастил и уже тогда сел на трактор. Есть у меня бумага старая-престарая, что на «отлично» окончил курсы при МТС.

Это была и путевка в жизнь, и своего рода охранный грамота. Она придавала уверенности, что больше ни на какие опасные авантюры взрослые не толкнут.

Нет же, еще одну проверку устроили:

– Дали мне «НАТИ». Считай, «дэтэшка», только с керосиновым мотором, от ручки заводился этот трактор. Выбирать, ясен перец, не приходилось, однако я, к своей и их досаде, не в состоянии был крутануть эту ручку до завода. Благо не долго мучили, пересадили на «Универсал». Это гусеничный «пахарь» старого образца, еще без кабины, с крышей. Сейчас у меня в хозяйстве три ДТ-54, так если их мощности сложить, по потенциалу получилась бы целая Сорочинская МТС. А тогда «Универсал» слыл последним словом техники. Душа пела. Не на подхвате отныне, не быкам хвосты крутить – землю возделывать.

И когда «за целину» агитировать стали, о которой старые хохлы напевно вздыхали: «Там таки степы – нэ обидэш!»), вытянувшийся, окрепший и прочно оседлавший железного коня парубок долго не колебался. Манили просторы, вольные степные ветра. До сих пор мало чего хорошего видел, а обширные земли, чувствовал, и перспективы иные сулят.

– Энтузиасты нашлись, – вспоминает Владимир Аврамович. – Только с нашей МТС пятеро записалось. В том числе девочка-механик просилась и двое пожилых механизаторов. Но кто-то возрастом не устроил, кто-то образцовым поведением не отличался. В результате я единственный прошел этот конкурс. И еще 10 человек из района – с крупной Миргородской МТС. Так «футбольной командой» и высадились на станции Колутон. По команде «вагон, вылазь!»).

Артистично ежится: в Колутоне «колотун» был «минус сорок».

– Пятое марта, а морозище! Я же не поймешь в какой одежке и дядькиной армейской фуражке. Директора совхозов, председатели колхозов на тракторах и розвальнях съехались, цепляются в нас: самый первый эшелон, харьковско-полтавский – кадры нарасхват. «Айда со мной в Молотовский район, – предлагает один, – недалече, сорок километров». Это сейчас для меня и сто верст не крюк, а тогда завопили: «Нет, околеем!» Тут на наше счастье подвернулся председатель «Заветов Ильича» Хижняк Юрий Андреевич: «Давай, полтавцы, к нам! Всего четыре километра». На это и купились. Закутали нас в тулупы, развезли по хатам, а через три дня на тракторе с деревянной будкой отправили на станцию принимать новенькие ДТ-54.

– Добре послужила эта будка, – снова частично переходит на мову собеседник. – Я в ней столько прибылого народу перевез! Из Донбасса,

Воронежа, Москвы... Вся географию и не упомнишь. Больше месяца занимался «извозом». Пока сеялки и семена не получили. Потом, помню, маневрировали, дислокацию меняли, точно бронетанковая часть. Чтобы не оказаться паводком отрезанными, первый массив покрупней выбрать, сроки не упустить. Вот где первую борозду прокладывать, если всюду, от края до края – первозданная степь? Агроном растерялся, провел рукой до горизонта. «Где-то здесь, – говорит, – пашите». И фактически выходит, решение принял мой напарник Веня Михайлов. Покрутил, поелозил на одном «пяточке». Вдруг остановился, приценился...

Энергичные, «раскатистые» глаголы тут ни к чему. «Проволочные» корни диких трав и растений резали, рвали на первой передаче. Пахали попеременно. Один спал прямо в кабине, другой за рычагами упирался. Целина медленно, но верно поддавалась.

Масштабы, что удивительно, не давили, а словно подзаряжали упорством, добавляли здорового куража. Прежняя пахота по тучным украинским черноземам казалась прологом, предысторией, что ли. Там, заезжая на поле, юный механизатор сразу видел его дальнюю кромку, а в Казахстане поля бескрайни, загонки – стайерских дистанций. Есть где разгуляться молодцу. Не всем дано подняться в космос, не все выдержали испытание целиной. Остались самые сильные и надежные. Такие, как Владимир Дитюк.

Вздыхает:

– Да еще время ряды повыкосило. На сегодня осталось нас в Старом Колутоне из того призыва двое – я и Вася Сериченко.

О том, как сложилась его дальнейшая судьба, энциклопедия «Акмола» справочно сообщает:

Слева направо: Петр Подоксенов, Владимир Дитюк, Владимир Крапивко «ДИТЮК Владимир Аврамович...», механизатор, новатор с.-х. производства, Герой Социалистич. Труда (1976), засл. работник сел. х-ва Казах. ССР (1973). В 1954 по комс. путевке прибыл на целину, работал трактористом Ново-Колутонской МТС Астраханского р-на. В 1954–58 служил в Сов. Армии. В 1958–67 тракторист, с 1967 бриг. тракторно-полеводч. бригады совхоза «Колутонский». Бригада Д. стала школой воспитания молодых хлеборобов. Деп. Верх. Совета Казах. ССР 10, 11 созывов».

А ведь столь достойное резюме едва ли не самой «матери истории» вполне могло не состояться. Потому что по увольнении в запас наш первоцелинник не «по месту приписки» явился, а на Полтавщину двинул, в родительский дом, что при определенных обстоятельствах можно было расценивать как дезертирство. Во всяком случае, грозное предписание министра обороны, а именно Георгия Жукова, было злостно нарушено.

«Парубок моторный» всего-то надумал матери помочь и подзаработать. Начал с того, что реанимировал стоявший на курятнике трактор. Потом закрутился: возил навоз, пахал, прочие участки закрывал. Встал на учет... Привык пан председатель, что все везет гренадер. Как стал обратно на целину проситься – давай увещевать его, на сыновние чувства нажимать, в

отсутствии патриотизма уличать. Пришлось пойти на хитрость – завербоваться грузчиком на север. Дескать, никакой измены, исключительно материальные мотивы, вызванные временными трудностями. Хотя бы предстоящей женитьбой.

И три месяца в Архангельске грузил на суда лес.

– А после драпанул на целину. Как раз к жатве поспел, – не без гордости за былую удачу кхекает несговорчивый дед. Сколько врачи ни пугают, не отказывается от вредной привычки.

Да не один прибыл. С женой – Верой Васильевной.

По широкому лицу расплывается тепло:

– Она в плюшевой куртке и сапогах, я в шинели. И денег на полбуханки хлеба. Вот все наше богатство было.

Но в хлебном краю голод не грозит. Если работаешь усердно и грамотно. Это знал твердо. Потому с созданием семьи посланец братской Украины начал на целине укореняться. Об этом периоде, как почти обо всем, он рассуждает очень четко и убедительно:

– Холостяком мне было безразлично, где квартировать. Хоть в поле, хоть в кабине. Появилась в моей жизни Вера – и комната перестала устраивать, которую нам выделили. Тем более что дитя наметилось. Нет, думаю, хватит в гостях ходить, пора главную житейскую заповедь претворять насчет дома, сына и дерева.

Выписал ссуду, купил финский дом и принялся сам его возводить. Старался побольше светового времени выгадать. Радовался, как мальчишка, когда выходной выпадал. И откуда силы на «вторую смену» брались?! Зато наш первенец Григорий ходить выучился в собственном жилище, довольно просторном: 7 на 12 метров.

Констатирую:

– Таким образом, две задачи были решены параллельно. И с деревом, знаю, не задержались. Интернет-источники утверждают, что на целину вы саженцы яблони привезли в чемодане. Было из чего выращивать сад.

– Сад это что?! – усмехается по поводу моей неполной осведомленности домовитый хохол. – Мы тут с хлопцами из бригады целый лес, джунгли вырастили.

И правда, за околицей, неподалеку от машинного двора его КХ, именуемого супругой фазендой, шумит листвой густая роща, которую венчают кроны пирамидальных тополей и украшают заросли боярышника.

Охотно объясняет, с чего это вдруг насаждением джунглей занялись:

– Лет двадцать назад посохла верба, посаженная еще первыми переселенцами. Вот мы с ребятами дружно взялись, старье и труху вырубали – на радость себе и людям обновили пейзаж.

– Столыпинская реформа многих крестьян стронула с мест. Полтавских тоже.

– Да, – соглашается знаменитый колутонец, – немало здесь наших фамилий услышал. Еще мои дед и бабка говаривали: тот на слободы, то бишь свободные земли, уехал, этот... На волах и лошадях добирались. Многие умирали в пути. Неспроста же художник «Смерть переселенца» написал...

Должно быть, чувствуя, что перешел на минорный тон, дабы разрядить ситуацию, разворачивает очередную хохму-бывальщину:

– Рассказать, как меня однажды мыши наказали?

Видя в наших глазах и любопытство, и сомнение, удовлетворенно продолжает:

– Это произошло вскоре после того, как мы с Верой приехали. Я – тракторист, она у меня прицепщиком, но денег еще не заработали. Питаемся в долг. Как и большинство едоков, по списку. И список этот оказался промасленным от рук поварихи, вот мыши на него и покусились. Все фамилии сожрали, кроме моей. Будто знали, заразы, что без копыя сижу. Давясь смехом, уточняю отчество: как правильно – Авраамович, Аврамович или Оврамович (последний вариант допускает викисловник)? И снова слышу юморной ответ:

– Вообще-то Оврамович. На Украине же попы имена давали. Так вот, их отношения с прихожанами отражались на именах новорожденных. Чад неугодных папаш нарекали помудреней, с подтекстом. Знать, оттого «сложное» отчество ношу. Буквально все его путают. Даже в партбилет ошибка прокралась. С тех пор не сопротивляюсь: Аврамович, так Аврамович. А для земляков-колутонцев я всегда Абрамычем был.

...В непрестанных трудах и заботах, но весело, раскованно, с доброй шуткой наготове идет по жизни этот большой и улыбчивый человек своим особым, предначертанным путем, или по-украински – шляхом.

Его не раз выдвигали на руководящую работу. Явно справился бы: в земледелии не хуже любого агронома поднаторел, язык подвешен, выдержка и такт – налицо. Однако категорически отказывался от лестных предложений, по-настоящему дорожа званием рабочего человека.

Лишь единожды административным порядком был назначен управляющим отделением. Да не смог оставить без отеческой опеки буквально выпестованную им бригаду, прибегнул к протекции секретаря райкома Князева: «Николай Трофимович, отдайте мне мою любимую работу!» Тот подивился: «Другой присосется к должности – не оторвешь, а ты сам отказываешься», но понял механизатора и вернул на круги своя.

Это Дитрих, директор совхоза, искушал Дитюка. Но того же Дитриха за другое «временное» назначение вспоминает по-хорошему, пародируя забавную дикцию Иосифа Христиановича:

– Работал я себе спокойно трактористом, а тут директор привязался: «Володя, попудь месяц бригадиром, пока замену найдем». И тридцать лет искали, 13 директоров я пережил.

Что неудивительно, полагаю. Средненьких директоров полным-полно, а подобных Дитюку бригадиров – считанные единицы. Через стерни – в Звездный. Бригада была проблемная: неполная и разношерстная.

Призадумался: кого на технику садить? «Приливная» волна схлынула, на помощь «извне» более рассчитывать не приходилось. К старшеклассникам, выпускникам десятилетки стал присматриваться.

До него бригадиры с таким контингентом жестковато обходились. Приказано

– работай, да за всеми поспевай. Сломался – сам ремонтируйся, твоя забота и ответственность. Вчерашние школяры чувствовали себя брошенными на произвол судьбы и, естественно, в полеводстве не задерживались.

Дитюк – и фамилия-то у него подходящая! – совершенно по-другому к полувзрослым детям отнесся. Он их человечностью, отеческой опекой к себе расположил. Терпеливо азы механизации втолковывал, показывал, как клапан регулировать, как гайку подкрутить, в дальнейшем – и в премудрости земледелия посвящал. Сам по ходу дела учился (трех классов «на двоих с сестрой», как он шутит, уже не хватало), щедро делаясь наукой и опытом с молодежью. Полевой стан так одомашнил, что по части уюта и комфорта он родительским «гнездышкам» не уступал.

Журналисты из некогда многочисленного «пула» Героя порой ностальгически вспоминают:

– Представляете, сюда вечерами кофе и какао подвозили!

– Кино крутили «свежее»!

– А как же иначе! – резюмирует заслуженный наставник. – Палаточный романтизм ушел в историю, пора было нормальные условия для людей создавать. И я придерживался правила как можно раньше обживать полевой стан. Пока в хлеборобской ставке не пахнет борщом, нормальной отдачи не будет.

Зато и повкалывать мои хлопцы, когда надо, могли капитально. Хоть от зари до зари. Бывало, повара прямо к агрегатам пищу подвозили.

– ...А когда возвращались твои гвардейцы после трудового подвига в степной «отель», их холодным кваском из погреба потчевали, – подсказывает старинный приятель Абрамыча публицист Моисей Михайлович Гольдберг.

– ...Который и на селе мало кто настаивает, – завершает мысль романтик и прагматик в одном лице.

Был поучительный случай:

– Однажды кто-то полвалка оставил на поле. Как найти? У меня 15 комбайнов. Я всех собрал. «Полвалка – это тонна хлеба, – говорю. – После войны двум семьям зиму можно было жить. Нельзя так, мальчишки». И Яша Миллер сознался. Я его не ругал. Он все и так прекрасно понял, собрал хлеб. Вскоре «первый призыв» Дитюка отправился в армию. Но солдаты писали со службы, что скучают по полю и технике. Это – «мои», понял наставник.

В самом деле, ребята, демобилизовавшись, вернулись в первую бригаду. Потом в его знаменитую комсомольско-молодежную школу возмужания приходили все новые и новые колутонцы. Подготовка хлеборобских кадров была поставлена на поток. При этом приятно осознавать, что к своим верным помощникам в деле воспитания «золотого фонда» целины Владимир Аврамович причисляет и журналистскую братию.

– Пресса всегда помогала. И нерадивым, – смеется, – в том смысле, что делала их скандально знаменитыми, но особенно – толковым ребятам. Еще больше дисциплинировала и настраивала на высокие достижения.

– Погоди, Володя, что ты все о ребятах, у тебя ведь в бригаде и девчата были! – на правах старшего (ему 86 лет) вмешивается Гольдберг.

– И правда, были. Три трактористки, да все за моих механизаторов вышли замуж и поразъехались, – нарочито сокрушается ветеран, но дальше уже всерьез вздыхает: – Сколько их, моих учеников, разлетелось по свету!.. Не счесть.

Прибедняется: всех цепко держит в памяти. Тех трех активисток движения «Девушки, на трактор!» легко вспомнил по именам.

Молниеносно реагирует на похвалу:

– А с фамилиями еще проще: она у них на всех одна – Амельченко! Это благодаря моим сватам! У них парней дюже много – вот часть «бригадным подрядом» оженели.

Шутка, так шутка! Он все по полной мере делает. И шутит, и работает. И умеет ценные качества, в сумме характеризующие его как целинный настрой, другим прививать. Да так, что со своими юными помощниками, а правильной сказать – соратниками, творил на хлебной ниве подлинное чудо.

– Случалось, и двадцатью пятью комбайнами на жатву выходили, а за штурвалами только двое-трое взрослых сидело, все остальные – зеленые, безусые. Однако давали такую производительность, что наш хлеб самым дешевым был, в соревновании за снижение его себестоимости стабильно в первую союзную десятку входили.

Такая результативность не могла быть не замечена и не отмечена. Новатора и наставника представляли к наградам, портреты его печатались на первых полосах газет и журналов, успех и слава сопутствовали ему. Так не с помощью волшебных черевичек, как его сказочный земляк по произведениям Гоголя кузнец Вакула, а благодаря собственным заслугам знатный хлебороб вышел на Всесоюзную и даже, можно сказать, космическую орбиту.

О летчиках-космонавтах, дважды Героях Советского Союза Губареве, Климуке и Шаталове он вспоминает как о Сане, Петро и Володе. То же касается творческой четы Пахмутова – Добронравов и других кумиров и величин. Он легко сходилась с людьми любого ранга и со многими надолго сохранял дружеские отношения.

Был своим в кругу советских небожителей из Звездного городка. Не раз там гостил, да еще и на пирушках верховодил, запевалой слыл. Представляете, каким надо было обладать здоровьем, чтобы выделяться среди здоровяков?! Впрочем, он и выделялся. Обувь, например, носил 50-го размера. Нигде такую не выпускали. Москва единственно спасала, так сразу пар по пять покупал.

– В нашей области только у завскладом облпотребсоюза Дмитрия Яковлевича Кардополова была такая лапа. Он сначала шутил, а потом на полном серьезе говорил: «Как умру, все мои ботинки отдайте Дитюку». Секрет его обаяния, конечно же, не только и не столько в выдающихся параметрах заключается. Тут поважней «составляющие» духовно-личностного порядка. Хотя, в просторной груди и душе, должно быть, «комфортней». Да если меха-легкие раздышали могучие и целебные степные ветра.

Этот матерый, но необыкновенно простецкий в общении человечище источал энергию и излучал доброту. Окружавших его людей буквально обволакивало волнами тепла. Те, кто поначалу относились к нему с предубеждением, сами не замечали, как оттаивали. Показательную в этом плане историю Владимир Аврамович рассказал, мысленно окунувшись в феерию XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

– Гавана. 1978 год. Я себя там ощущал примерно так: сват королю, кум министру. Еще бы! Жил в 12-комнатном номере роскошной гостиницы «Ривьера», где раньше останавливались исключительно короли и принцы. Кое-кто, наверное, думал, что я премьер-министр, крупный чин КГБ или что-то в этом роде, раз попал в такие апартаменты. С Губаревым мы моментально общий язык нашли, а вот Шаталов как-то косо поглядывал, видать, подозревал, что с неким иезуитским умыслом ловко маскируюсь под рабочего человека.

Потом у меня была поездка, так сказать, по специализации – в аграрный сектор Кубы. Дали «Жигули», сопровождающего и переводчика.

То, что там увидел, очень впечатлило. Хозяйство отрегулировано – от и до! Пастбища разбиты на клетки. «Постригли» коровы траву – их тут же перегоняют на следующий участок. Автопоилки подивили. Емкости – в форме огромных «рюмок». Наполняются от тропического дождя и переворачиваются.

Следующий момент. У нас ученические бригады порой для «галочки» создавались, а там они в производстве капитально задействованы. При школах построены маленькие испанские домики типа бунгало, и дети там живут фактически круглый год, даже на выходные многие не хотят домой ездить. За фруктовыми садами ухаживают, овощи всевозможные выращивают, в общем, сами себя полностью всем обеспечивают и народ кормят.

Вечером за ужином стал делиться впечатлениями. Напротив меня сидел Шаталов с кислой миной. Наконец процедил сквозь зубы: «Ну, ты, разумеется, дал им свои ценные указания?» Я ему в ответ совершенно искренне: «Что ты, Володя, нам надо учиться у этих пацанов, а не лекции им читать!» И он резко переменяет отношение.

Помимо недюжинной физической силы и редкостного дара общения Дитюк наделен неординарными «пробивными» способностями. Это направление деятельности в нем успешно развил покойный Николай Ефимович Кручина, в бытность руководителем региона поручавший бравому первоцелиннику выбивать фонды и дефицитные ресурсы.

– И в Москву летал по его заданию у министра черной металлургии железо вышибать, между прочим, не для Целинограда, а для актюбинского завода, и в Ленинград ездил за тракторами, и в Липецк... Надел Звезду – и пошел. А за мной следом – чиновник с портфелем. В нем – прошения, квитанции об оплате. И коньяк с шоколадом – для дивчины, которая на вагонах станции назначения «размечает». Она – главный человек. Куда напишет, туда и пойдет техника.

По-молодому «завелся», экспрессивно рубит руками воздух:

– Ничуть не заливаю. Трактора партиями и по пять штук приходили на станцию Колутон. Так что снабженцем был не хилым.

Интересуюсь, не было ли ответственных поручений уже в новую эпоху.

Отвечает:

– А как же! Я был доверенным лицом Нурсултана Назарбаева на предыдущих президентских выборах. Однажды напротив трибуны сидел во время его выступления. Он трижды меня упомянул. Потом подошел и пообещал, что как-нибудь приедет.

– Обещал – значит приедет, – заключает рассудительный Моисей Михайлович, – надо только показатели подтянуть.

– Вот ведь как погода нынче подвела! – точно оправдывается перед пишущим пенсионером пашущий пенсионер. – Всего 8 центнеров на круг собрали. Никогда у меня такой низкой продуктивности не было. Разве только в пору бригадирства вышло один год по 11 центнеров. Засуха тогда тоже капитально прижала. А на налив пошли дожди. Зерно разбухло на квелом колоске и зеленым выпадать стало. Ко мне тогда академик Бараев приезжал. Посмотрел на все это и говорит: ничего, брат, не попишешь...

Этак мы с космических орбит, из славного Звездного городка, куда добрались по волнам памяти, вернулись к нашей действительности, на жесткие стерни крестьянского хозяйства.

«Фазенда» Владимира Дитюка Не отпускает поле

– Крестьянствую я 17 лет, – начинает третью, современную главу своей жизненной повести руководитель крестьянского хозяйства. – Подошло дело к пенсии, думал, не потяну бригаду. Да и политика была на дробление, обособление. Ну и поддался на пропаганду. Выделили мне 700 гектаров земли да кое-что из старой техники, остальное металлоломом добрал, доналадил. И продолжил заниматься в общем-то знакомым делом, но в других масштабах.

Эх, Бова-богатырь, спасовал перед надвигавшимся рынком или даже его тенью! Похоже, обращаясь к себе, тогдашнему, не может скрыть досады:

– Все ж таки надо было сохранить бригаду! Сейчас бы Колутон по-другому выглядел.

Укоризненно качаем головой. Но уже перед нами не бригадир широкого профиля, а расчетливый мелкий частник:

– Вчера капитально один трактор обновил! Друг у меня есть чеченец, владелец магазина запчастей. Вот он по дешевке гусеницу и задний мост на «дэтэшку» продал.

Перестаем дуться на двужильного упертого хохла, который – вот поворот! – сам себя перехитрил и теперь с трудом выживает. Да и не вечно же ему экзамен на стахановца держать ради преходящей славы. Тем паче, что стезя ударника полей существенных дивидендов не принесла. Пенсия вместе с «геройскими» – 62 тысячи. На равных с ним получают односельчане, по жизни не напрягавшиеся, с железом не дружившие, бессонные вахты не

стоявшие.

При этом, в отличие от многих новоиспеченных помещиков и фермеров, артельный дух не утратил, в куркули не перековался. Аким

Староколутонского сельского округа Владимир Крапивко отмечает:

– Владимир Аврамович – стабильный работодатель. Он без задержек оплачивает труд четырех-пяти наемных работников. В его крестьянском хозяйстве, на машдворе, в мастерской и кузнице полный порядок. Три «Нивы» какой уже комбайновый век служат! Лет по тридцать им! «Дэтэшкам» не меньше. Еще КамАЗ у него есть.

– ...Баня на колесах, полевая кухня, – вставляет Дитюк. – На посевную и уборочную повара нанимаю. Чтобы хлеборобы были сыты и умыты.

– А поля у него – загляденье, – продолжает аким. – Ни полыньки! Рядом же травы бушевали.

На участке в 3 тысячи гектаров, принадлежащем родственникам бывшего главы района Геннадия Тюлькина, заросли стояли выше капота его джипа.

Уточняю:

– Неужели успешных крестьян и фермеров рядом с таким мастером нет?

Отвечает сам Дитюк:

– Это я как крестьянин говорю. Сильный хлеб на малых площадях с выгодой выращивать невозможно. У нас не кубанские урожаи, зато у кубанского хлеба и той ценности нет. Вот ТОО «Колутон-04» 20 тысяч гектаров засеивает. Как раз нормальный клин. На такой производственной территории себя и дорогостоящая импортная техника оправдывает.

К беседе подключается директор ТОО Петр Подоксенов:

– Земля дает отдачу, когда в нее вкладывают.

Справедливые слова, и в этом плане агрофирме повезло: инвестор на техническое переоснащение и в целом развитие товарищества средств не жалеет. Приобретены высокоэффективные немецкие комбайны «Клаас» и посевные комплексы «Бюлер». Стадо мясного направления на основе казахской белоголовой доведено до 1 600 голов, недавно куплено 198 герефордов, еще 430 довезут в ближайшее время. Но недаром говорится, и на целине это высказывание звучит особенно убедительно: хлеб всему голова. Звучит дежурный вопрос о главном, и наступает момент истины:

– Какой урожай собрало ТОО?

– Усредненный – 8 центнеров с гектара.

– Как Дитюк?

– Мы с Героем не сравниваемся, – уклончиво отвечает Подоксенов и пускается в воспоминания. – Я выходец из Мариновского района, 19 лет работал главным агрономом в совхозе «Гвардеец». А от «Гвардейца» до полей Владимира Аврамовича рукой подать было, так что давно у него учусь. И просто за советом заезжал, и на семинары. Когда районом руководил Василий Петрович Потапенко, почти все совещания и практикумы проводились на базе первой бригады совхоза «Колутонский». Владимир Аврамович тогда был молодым, высоким, статным.

Возраст есть возраст. Суставы подводят ветерана, другие болячки тревожат. Абрамыч уже несколько лет сам на технике не работает. Но уверенно – у руля хозяйства. На вопрос «Вы теперь за агронома?» по-дитюковски находчиво отшутился: «Я и директор, и главный агроном, и бухгалтер, и кассир».

Произвожу несложные подсчеты:

– За четверых работаете. И столько же помощников.

– Как же без них? Невелик фронт работ, но 9 месяцев в году люди заняты. Выплачиваю по 35–40 тысяч каждому. Последний раз деньги выдаю в декабре. Первая получка – в апреле.

Вразумляет механизаторов три месяца, что остаются без финансирования, не бездельничать – заниматься домашним хозяйством, выращивать скот. Для этого впрок обеспечивает кормами.

– Будет держать 10 коров – на 10 коров дам сена, 10 свиней – на 10 свиней дам зерноотходов, – сыплет цифрами глава крестьянского хозяйства. И подкрепляет свою информацию конкретным фактом: – Один работник и правда 10 коров держит, так я ему 12 прицепов сена выделил.

– А прицеп сена в нынешнем году где-то за 25 тысяч тенге идет, – комментирует аким сельского округа.

25 тысяч умножить на 12... 380 тысяч тенге! Солидная прибавка к жалованью. Знаю процветающих «латифундистов», которые труд творцов своих материальных благ оценивают куда скромней.

Или такой аргумент в пользу дитюковской хлебоборобской правды. Один из его орлов-«комсомолят» остался с «батькой», не подался в фирму, не выделился «хутором»:

– Саня Курганский с пацанят со мной работает!

Значит, есть на кого положиться. Новых побед и свершений, старая гвардия!

Александр Тараков